

Матрёшкино частье

Любовь
Кантаржи

ХОРОШЕ
НЕБО

Любовь Кантаржи
Матрёшкино счастье

«Автор»

2019

Кантаржи Л. Н.

Матрёшкино счастье / Л. Н. Кантаржи — «Автор», 2019

Марине 41 год, и она уверена, что её жизнь не удалась. Любимый человек погиб много лет назад, муж бросил, дочь грубит. И чем дальше, тем ситуация хуже. Но однажды в её квартире раздаётся необычный телефонный звонок, а затем события развиваются стремительно и непредсказуемо. Героиня попадает в круговорот странных обстоятельств, которым невозможно найти объяснение. До самой развязки мы остаёмся в неведении, что же скрывается за всеми этими невероятными событиями и чем всё закончится...

© Кантаржи Л. Н., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава 1. Катерина	6
Глава 2. Стас	15
Глава 3. Матрёшка	19
Глава 4. Верочка	23
Глава 5. Пётр	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Любовь Кантаржи

Матрёшкино счастье

Часть I. 18 ноября 2004 года, четверг

Глава 1. Катерина

Все счастливые женщины похожи друг на друга, все несчастные несчастливы по-своему. Так, что ли, у классика? Нет, не так. Все несчастные женщины одинаковы, как рыбы в аквариуме. Марина Трофимова и чувствовала себя такой вот рыбой из аквариума, в котором забыли поменять воду. Хотя причём тут рыба – всё гораздо проще и жёстче: старуха! Да ещё и у разбитого корыта.

Она представляла себя, пригорюнившуюся, на берегу синего моря, возле деревянного надвое расколотого корыта, как на картинке в потрёпанной книжке; она и фамилию художника помнила – Конашевич. Милые, уютные картинки из счастливого детства... Впрочем, пушкинская старуха не такая уж и несчастная – она-то хотя бы у моря живёт. И у неё есть муж! А у Марины только дочери.

Всю жизнь она ждала чуда, ждала, что вот-вот случится что-то и придёт оно, счастье! На эскалаторе в метро, когда бывала в столице, вглядывалась в лица проплывавших мимо людей: а вдруг кто-то увидит её, обратит внимание и... произойдёт что-то, что изменит её судьбу! Как в песенке Алисы из Страны Чудес: *«Чтоб кто-то куда-то меня пригласил, и там я увидела б что-то такое... Но что именно, право, не знаю!»*

И что же? Ей уже сорок один, жизнь почти что прожита, а его, счастья, всё нет! Хотя бы промелькнуло, хоть какой-то проблеск бы оставило, – нет и нет!

– Матрёшка! Мотечка, это ты?!

Она вздрогнула.

Её уже сто лет так никто не называл, для всех с детства она была Мариной, и только баба Оля – Баболя – ласково называла её Матрёшкой. Это бабушкино имя легко потрескивало на языке и пахло свежей липой – как пахнут пузатенькие деревянные куклы. Баболя и окрестила её Матрёной, в честь собственной бабушки – Мариной прапрабабушки – сначала в загсе, а потом и впрямь окрестила в церкви, а родители о крещенье знать не знали – или не хотели знать. Но редкое имя в семье не прижилось. Родители его так и не приняли, – уж очень несовременным и неблагозвучным оно выглядело в век освоения космоса. Перед школой мама специально ходила договариваться с учительницей, чтобы девочку записали в классный журнал Мариной: опасалась, что к дочке приклеится обидное «тётя Мотя». Сама-то Марина ещё в подростковом возрасте твёрдо решила от ретро-имени избавиться. Поначалу думала сделать это в шестнадцать, когда пришла пора получать паспорт, но тогда Баболя умолила её подождать. Внучка возмутилась было – чего ждать? – но бабушке уступила. Потом, когда на втором курсе Марина выскочила замуж и сменила фамилию, самое время было поменять и имя, но она вновь уступила просьбам бабушки. А потом... Потом бабушка – любимая Баболечка – умерла, и Марина так и осталась по документам Матрёной, в память бабушки, ей казалось это правильным.

Спустя время бабушкину эстафету неожиданно подхватил Стас. Как только в минуты нежности он не называл её: Матрёшка, Матрёнка, Матрусёк и даже Матроскин. Но Стаса давно не было, и сегодня мало кто знал её паспортное имя, да и кому вообще это надо, кроме табельщицы на работе...

– Матрёшка!! Мотечка, это ты?!

Тёплый душистый ураган налетел и закружил её; Марине пришлось немного отстраниться, чтобы разглядеть лицо стиснувшей её в объятьях женщины.

– Катька, ты, что ли?.. Катерина...

Катя была одной из немногих, кому нравилось называть её Матрёной, – а она и забыла! Сколько же они не виделись! Она вглядывалась в нарядную рыжеволосую женщину в короткой модной дублёнке и высоких ботфортах, узнавала и не узнавала её.

...Познакомились они в другой жизни, в другом веке, тысячелетии и даже стране. Им было тогда по одиннадцать лет, пионерский лагерь назывался «Юность», они оказались в одном отряде и влюбились в одного мальчика. На этой почве и сошлись, в молодости довольно тесно общались, потом перезванивались, а в последние годы как-то потеряли друг друга из виду.

Катерина, невысокая подвижная хохотушка с пушистыми кудрями, распахнутыми золотисто-орехового цвета глазами и вздёрнутым веснушчатым носом, всегда была пухленькой, что, впрочем, нисколько её не

портило. Сегодня же перед Мариной предстала стильная и неожиданно стройная – до худобы! – дама с модно уложенными волосами, и лишь их цвет да ямочки на щеках выдавали в ней прежнюю смешную девчонку. Марина помнила, что Катерина с мужем ведут небольшой семейный бизнес, и подумала, что дела их, по-видимому, обстоят вовсе не плохо.

– Какая ты стала красивая, Катя, настоящая бизнес-вумен!

– Да и тебе грех жаловаться, – радостно смеялась подруга, привычным жестом откидывая непослушную прядь со лба. – Ты же всегда была красоткой!

Она придиричиво оглядела Марину и удовлетворённо кивнула: красотка и есть!

– Какая красотка, Катька? Я рыба... И даже старуха!

– Почему это рыба? – смеялась колокольчиком Катерина. – И почему старуха? Рановато нам с тобой в старухи, до старух нам ещё пахать и пахать! Или ты уже бабушкой стала?

– Нет, что ты...

– А я вот стала, представь себе! Вася наш преподнёс сюрприз: женился в двадцать лет! Внучечка у нас, Алёнушка. Так что я теперь бабушка – но, заметь, не старушка! Слушай, я тут на днях в автобусе стала место старушке уступать, говорю: «Садитесь, бабушка». А она мне в ответ, грустно так: «Нет, милая, я не бабушка. Это звание заслужить надо – внуками. Да только нет их у меня, а теперь уж и не будет. Так что, я, милая моя, не бабушка, а просто старуха». И так мне её жалко стало!

На мгновение Катино сияющее лицо пригасила набежавшая тень, но оно вскоре вновь озарилось улыбкой.

– Ну вот. А я – совсем наоборот: бабушка, но не старушка! И это здорово! Ну, а ты? Что и как? Дети? Муж? И почему ты рыба?

– У меня всё плохо, Кать...

– Так уж и всё?..

Катерина осеклась на полуслове, предположив худшее. Впрочем, она знала: самое худшее в Мотиной жизни уже случилось, полтора десятка лет назад. Нет, здесь что-то другое...

– Что плохо-то, не темни! Развелись?

– Давно уже... Да и не в этом дело...

– А в чём?

– Во всём. Всё плохо, вообще.

Она не собиралась никому показывать свою слабость. Она много лет пыталась вырастить внутри себя сильную личность, железную леди, и у неё уже потихоньку начало что-то получаться! Но почему-то именно сейчас, в самый час пик и в самом людном месте города, стоя прямо посреди тротуара с подругой детства, она неожиданно для себя оказалась беспомощной маленькой девочкой. Она не плакала, просто из её глаз стало вдруг вытекать очень много тёплой солёной воды, и она ничего не могла с этим поделать!

Катерина некоторое время растерянно молчала, затем лицо её приняло решительное выражение.

– Так... Ты сейчас куда? Домой? Отлично, я тоже, но это потом. А сейчас я позвоню, – это секунда – и мы с тобой сию же минуту отправимся в одно хорошее место! Это недалеко! Не волнуйся, я тебя подвезу потом, у меня тут машина рядом припаркована. Молчи, не возражай, стой!

Марина не возражала. В критических ситуациях её давняя подруга была крепка, как скала, и напориста, как танк.

– Я никому не нужна, Катюш! Баболя умерла, Петя из семьи ушёл, дочкам на меня наплевать: у Аськи давно своя жизнь, а с Машей... ещё хуже.

Торговый центр, куда они пришли, назывался «Смородинка» и пользовался большой популярностью в городе. Подруги сидели на третьем этаже, в маленьком кафе со смешным названием «Кастрюля». Посетителей было немного. Мягкие кожаные диванчики, приглушённый свет, ненавязчивая музыка действовали на Марину расслабляюще. Она перестала «держаться лицом» и говорила, говорила – очень тихо и очень быстро, словно боялась, что её могут остановить.

– Родители в деревне – как на пенсию вышли, так к бабушке Лизе и переехали, – это папина мама, ей одной тяжело уже. А я тут, и я вообще не понимаю, зачем живу! Я как веник в углу, всем мешаю только ...

– Ну, это ты зря, – машинально поправила подруга. – От веника в хозяйстве большая польза.

Эта незамысловатая реплика почему-то развеселила Марину. Катерина обладала удивительной способностью утешить одной-единственной фразой – порой даже самой пустяковой. Вспомнилось, как много лет назад они лежали вдвоём на русской печке и болтали обо всём на свете, но больше всего, конечно, о мальчике Саше, с которым расстались уже несколько месяцев назад, когда закончилась третья, августовская смена в «Юности». Катина семья жила в самом центре города в доме, который торцом упирался в здание областной филармонии, и вся местная детвора проводила свободное время в сквере перед концертным залом. Дом был старинный, двухэтажный, с диковинным печным отоплением. Катя, хихикая, рассказывала подруге прямо в ухо какой-то дурацкий анекдот, и в тот самый момент, когда положено было засмеяться, Марина, осознав вдруг с абсолютной очевидностью, что больше они с этим Сашей никогда не увидятся, разрыдалась, уткнувшись в Каткино плечо, а та совершенно серьёзно сказала: не плачь, хочешь, Бисера Кирова тебе подарю? Совершенно непостижимым образом это нелепое предложение успокоило Марину – она моментально перестала реветь и ответила, что нет, не хочет. Бисер Киров – это был их тогдашний кумир, неземной красоты певец из Болгарии, и его афиша висела над Катиным столом прямо напротив печки. Афишу Катя выпросила у администратора филармонии, когда артист завершил свои гастроли в городе, – и очень этой добычей гордилась.

Марина словно вновь вернулась на тридцать лет назад, ощутила спиной печное тепло и потрескивание берёзовых поленьев, уловила волнуемый аромат пирожков с капустой, которыми угощала их Катина мама. Ей нравилось бывать в этом доме с высокими потолками и резной деревянной мебелью, он хранил особый колорит, словно берёт тайну многих живших в нём поколений. Позже, в восьмидесятые, дом расселили, реконструировали и присоединили к филармонии, устроив там камерный зал. Марина восприняла это тогда как личную потерю; бывая потом на концертах, всегда с нежностью вспоминала своё детство, подругу Катю и её гостеприимную семью.

– Нет, Матрёшечка, ты не права: как это никому не нужна? Что значит, дочкам наплевать? Сама подумай, куда они без тебя? Машке твоей сколько?

– Тринадцать. Катя, я, наверное, не умею детей воспитывать. Как Петя ушёл, она словно с катушек слетела, ей тогда девять было. А сейчас и вовсе трудный возраст – хоть волком вой.

Катя сочувственно кивала. Вопрос давно вертелся у неё на языке, но она не сразу решилась задать его.

– Матрёш, а... Петя-то... почему ж ушёл?

Марина устало вздохнула.

– Так ты не знала? Как же мы давно не виделись! Бросил он нас... Новое счастье искать отправился.

Катя охнула:

– Да ты что?! Ну, Пётр, вот уж от кого не ожидала! – в её золотистых глазах вспыхнул недобрый огонёк. – И... как? Нашёл счастье-то?

Марина вздёрнула подбородок, нарочито-весело выпалила:

– А как же, нашёл! Влюбился без памяти! И ты бы видела, в кого: старая, старше меня на два года почти! Толстая! Да ещё и с ребёнком – сыну пятнадцать тогда было. Но, правда, красивая, что есть, то есть.

К концу этой маленькой тирады веселья в её голосе поубавилось, она подозрительно шмыгнула носом.

Катерина возмутилась:

– Ты шутишь? Какая она может быть красивая, если толстая!

– Ну, почему же, может... На мордашку-то она ничего.

Подруга негодуяюще всплеснула руками:

– Вот именно: ничего! А ты у нас – всё! – и на мордашку, и на всё остальное!

– То и обидно... – Марина понурилась. – Если бы хоть красотой его взяла или молодостью, я бы ещё могла понять, а так...

Катя рассердилась:

– Ну и пусть, даже в голову не бери. Ты у нас всё равно лучше всех!

Да уж! Катиными бы устами да мёд пить...

– Лучше всех, куда там! – грустно возразила Марина. – То-то он и выбрал её, а не меня, самую лучшую!..

Она задумчиво смотрела куда-то поверх Катиной головы, потом проговорила удивлённо:

– И знаешь, что самое противное? Всё на моих глазах происходило, мы же работали вместе. И все всё знали, одна я, дура, не понимала ничего, до последнего не верила.

Она слегка потянулась через стол и доверительно добавила:

– Мы с ней дружили даже. Вот тебе и подруга...

Катя передёрнула плечами:

– Дружили! Хороша подруга! Она кто, врач?

– Ну да, лор. Отоларинголог.

– «Ухогорлонос»? Понятно, – почему-то кивнула Катя, словно врачебная специализация разлучницы что-то объясняла. – И как же? Дальше-то что?

Марина развела руками:

– А что дальше? Дальше всё как у всех. Мы развелись, они женились и почти сразу в частную клинику перешли, он там совладельцем стал. Мальчик у них родился, подумать только, это в сорок-то лет?! В общем, у него теперь полный комплект счастья. А мы тут с Машкой одни остались!

Марина снова зашмыгала носом. Надо было срочно спасать положение, и Катя спросила первое, что пришло в голову:

– Почему одни, Моть, а Ася? Или она замуж вышла?

– Какой замуж, Кать? – Марина всхлипнула, вытирая салфеткой промокший нос. – Ты же знаешь, какой у них теперь «замуж» – сошлись и живут вместе, в квартире родителей моих. Скоро три года уже. Мальчик-то хороший, они учатся вместе. Родители его очень материально им помогают. Но я всё равно не понимаю: семья это или что? Чего не женятся?

«Молодец!» – мысленно похвалила себя Катерина, почувствовав, что выбрала верное направление, переводя стрелки на Асю – в таких ситуациях важно вовремя сменить тему.

– Ну, а как ты хотела? – уверенно подхватила она. – У них так сейчас. Молодёжь теперь живёт, как умеет. Поживут-поживут, а там, глядишь, и распишутся.

– Или разбегутся.

– Может, и так...

Марина нахмурилась, в её голосе зазвучали упрямые интонации:

– Нет, ты как хочешь, а я не понимаю этой новой моды. Что это за пробные браки такие? Вот мы, Катя, почему-то не боялись семьи строить, все женились, как положено. Что, не так разве?

Катерина вроде и согласилась: так-то оно так, да не совсем.

– Мать, ну женились, а толку? Как женились, так и поразводились потом – почти все, кто раньше, кто позже! Это нам с Серёжей, можно сказать, повезло, но мы – уже исключение, да и неизвестно ещё, как дальше жизнь повернётся, не дай бог, конечно. А дети, наверное, насмотрелись на нас, вот и не хотят, как мы, жениться-разводиться. Им теперь куда как проще – сошлись-разошлись, не нужно детей и имущество делить.

Марина грустно запротестовала:

– Катя, но то, что ты говоришь, это же ужас!

Подруга пожала плечами:

– Ужас или нет, зато правда! Можно подумать, ты сама этого не знала.

Поразмыслив, Марина согласилась, что да, правда, и она, конечно же, знала. А Катя задумчиво продолжала:

– Знаешь, может, оно и хорошо, что твои уже три года живут, а не болтаются как попало и с кем попало, как другие.

– Ну, не знаю... Тебе-то хорошо говорить, у тебя мальчик, им всегда проще, а у меня девочка! Ей опора нужна, семья, дети, тем более, она уже институт оканчивает, последний курс. И потом, твой-то Вася женился!

Катя усмехнулась.

– Так он влюбился по уши, вот и женился! Знаешь, как я тогда против была: обоим по двадцать лет, студенты, да и Серёжа возражал. Нет, ну в самом деле, надо же сначала на ноги встать, профессию получить. А мне мама моя тогда сказала: «Катя, не лезь! А то потом всю жизнь виноватой будешь».

– И ты послушалась? – поразила Марина.

Катерина вспыхнула:

– А что тебя удивляет? Послушалась, а куда деваться? Тем более, что у них любовь-морковь и всё такое: люблю-не могу! Кстати, не забывай, мы с Серёжей и сами студентами поженились.

– И мы с Петей студентами были. А может, Катюш, всё дело в том, что время тогда другое было?

– Время всегда другое.

– Не скажи. У нас государство надёжное было, стабильность, работа, квартирный вопрос проще решался, а сейчас что? Как семью строить, если полная неизвестность впереди?

– Это у нас с тобой стабильность была – только её почему-то потом застоём назвали. А раньше ни о каких застоях не думали, вспомни: то война, то голод, то революция, то ещё какая напасть. Но ведь и женились, и детей рожали! Так что, прав был Булгаков, это в головах разруха, а не в клозетах.

Возразить было нечего. Марина, пригорюнившись, помолчала, а потом с деланной весёлостью подытожила:

– Ну и ладно, и пусть им всем будет хорошо: Пете с его новой женой, Аське с её мальчиком! А мы зато будем есть пирожные, очень они тут замечательные, как говорил почтальон Печкин! И пускай мы растолстеем!

Катерина внимательно смотрела на подругу.

– Да, пирожные замечательные, и мы их сейчас съедим, но толстеть не будем – не дождёсь! Моть, ты ведь мне не всё сказала?

– Катя, я тебе не всё сказала, – неожиданно подтвердила Марина. – Но скажу. Я тебе сейчас всё скажу.

Она собралась с мыслями и выпалила:

– Завтра у меня это... ну, прерывание...

– Что? Какое?..

– Какое, какое! Такое! Беременности прерывание! И не говори мне ничего!

Катя охнула: неожиданно! – и действительно ничего не сказала, переваривала информацию. Потом растеряно проямлила:

– А я и не говорю ничего... Видишь – молчу...

– Вот и молчи!

– Так я и молчу... А чего ревёшь опять?

– А то!

– Мотя! Матрёна!

– Ну чего?! – так и не дотянувшись до салфетки, она утирала слёзы прямо рукавом, – а ведь всегда считалась аккуратисткой!

– Ты мне скажи только: кто?

– Да не знаю я, кто! Мальчик или девочка!

– Да я не об этом! Отец кто?

– Кто-кто! Никто! Нет никакого отца! Ни при чём отец: нет ребёнка – нет и отца. А ребёнка считай, что нет. Скоро уже... Завтра...

Катерина наморщила лоб:

– погоди, погоди, я просто понять пытаюсь, а не то что из любопытства. Конечно, твоё дело, не хочешь – не говори, но... это не Пётр?

– Ты что?! Как можно?! Петя теперь чужой муж, а я в чужую семью не полезу, у меня, знаешь ли, принципы!

– Ну-ну, – усмехнулась Катерина. Знала она эти принципы, помнила кое-что из Мотиной биографии, но тема эта была сегодня под запретом, и она прикусила язык. Чтобы не молчать, поинтересовалась:

– Ты сама-то как? Тошнит тебя?

Марина как будто удивилась:

– Ты знаешь, нет. Почти совсем. Пару раз всего и было-то.

Всё-таки благотворно на неё действовала старая подруга. Выговорившись, она неожиданно успокоилась, достала зеркальце, пудреницу, поколдовала над лицом – и стала прежней Мариной. Красивая, деловая и даже вполне себе молодая, если посадить спиной к окну.

Катерина исподволь, с новым интересом разглядывала её.

– Надо же, залетела на старости лет. А ведь тебе идёт! То-то я смотрю, ты прямо помолодела. А срок какой? – деловито осведомилась она.

Марина сердито вскинулась:

– Да куда там, «помолодела», не смей меня! А срок критический, Катюш. Десять-одиннадцать недель, тянуть некуда.

– Да, дела... А что мама говорит?

– А что мама? Куда, говорит, тебе рожать в таком возрасте.

– Понятно. Так ты из-за этого хандрить? Из-за этого и «жизнь не удалась», и «не нужна никому», и «веник в углу»?

– А ты бы не хандрила? Думаешь, приятно самой под нож подставляться? Думаешь, я не понимаю, что аборт – это убийство, и всё такое...

Катя вздохнула.

– И я бы хандрила, как же без этого... Но, знаешь, не ты первая, не ты последняя, все мы через это проходили. Кстати, это не больно сейчас, укольчик в вену – и всего делов, не то что раньше.

Как было «раньше», в советском прошлом, Марина знала не понаслышке. Её почему-то совсем не брал новокаин, который всем кололи тогда для обезболивания, и несмотря на то, что шла она на операцию по блату, оба раза у неё возникало ощущение, что попала в гестапо. С тех пор прошло много лет, но страх остался.

А Катерина задумчиво продолжала:

– Хотя приятного тут мало, согласна. Не уверена даже, как сама на твоём месте поступила бы – может, и родила бы! Я как-то с возрастом стала болезненнее эту тему воспринимать. Ребёночка опять же жалко.

Марину передёрнуло.

– Перестань.

– Как скажешь.

Катя повозила ложечкой в чашке и вдруг отодвинула недопитый кофе.

– Нет, я так не могу! Ты ничего мне не рассказываешь! Я ничего не понимаю! Кто отец ребёнка?! Он в природе-то существует?

– А то как же! Существует, Кать. – В голосе Марины прозвучало удивление, словно она и сама была озадачена этим фактом.

Катя – само внимание! – приготовилась слушать, слегка подавшись вперёд и вытянув шею, чтобы не пропустить важное.

Марина снова вздохнула и принялась рассказывать.

– Зовут Олег, тридцать шесть лет, тоже хирург, – как и Петя, – работает в военном госпитале.

Катя хмыкнула:

– Что это у тебя за уклон такой медицинский? Специально докторов выбираешь?

Марина улыбнулась:

– Не поверишь: случайно! Так уж угораздило. Вот везёт мне на врачей, да ещё и на хирургов!

– Ну и какой он – твой военный хирург? Красивый?

– Кать, ну при чём тут красота! Разве это в мужчине главное? Хотя, красивый, наверное. Не очень высокий, правда, но интересный! Ресницы густые, как у девушки, взгляд такой карий, открытый... Но я, знаешь, почему-то вначале на руки внимание обратила: пальцы длинные, музыкальные, трепетные, что ли. Для хирурга важно, кстати. Он очень хороший, Кать, добрый, отзывчивый, даже с Машкой моей общий язык нашёл. У него только один недостаток.

– Понятно, – хмыкнула Катя.

– Чего тебе понятно?

– Женат, что ли?

– А вот и не угадала. Не женат и даже не был никогда. Тут в другом дело.

Марина помолчала, аккуратно складывая бумажную салфетку – пополам, вчетверо, на восьмушки. Затем столь же аккуратно развернула, принялась тщательно разглаживать.

Катя не выдержала.

– Ну так что? Какой недостаток?

Марина низко опустила голову.

– Нет. Нет у него никаких недостатков. Он просто-напросто меня не любит.

Фраза про нелюбовь вышла у Марины скомкано, она произнесла её неожиданно тоненьким голосом, на всхлипе.

Катя охнула.

– Это как же? Узнал о ребёночке и сбежал?

Марина, придирчиво оглядев салфетку, поднесла её к носу и подробно, обстоятельно высморкалась.

– Ребёночек ни при чём, я его сохранять не собиралась – куда мне? Тут совсем другое, Катюш. Ну как тебе объяснить? Понимаешь, он моложе меня, отношения наши... нестабильные, особенно в последнее время. Встречаемся редко, никогда не знаешь: увидимся или нет. То ли есть он, то ли нет его. То дежурство у него, то он с ночи, то вообще неизвестно где. Если бы любил, наверное, всё по-другому было бы.

– погоди, погоди! Ведь ребёночек получился как-то. Значит, видите всё же.

– Нет! Уже нет! Это конец, понимаешь? У меня в субботу день рождения был, сорок один год – ужас, конечно...

– Ничего ужасного, прекрасный возраст, самый расцвет! – перебила Катя.

– Ага, расцвет. Рассвет и закат... Ну, не суть, день рождения, в общем, и я как-то надеялась... Думала, он позвонит, мы увидимся...

– И что? Не позвонил, не поздравил даже?

– Ну почему же, позвонил! Но лучше бы и не звонил! Проямлил что-то невразумительное, а я потом час ревела.

Катя искоса взглянула на подругу.

– А ведь ты влюбилась, мать, надо же! – удивлённо, и даже с оттенком лёгкой зависти, проговорила она и добавила мечтательно:

– Влюбилась, залетела...

Марина усмехнулась невесело.

– Ну и что? Что толку? Никому это не надо, понимаешь? Да и чего я ждала? У меня ж никогда ничего не получается, всё не как у людей...

Катя строго, без тени жалости, смотрела на неё.

– Стоп, ну-ка ответь: он, этот твой Олег, знает или нет?

– О чём?

– О том! О ребёнке!

– А-а... – Марина словно бы удивилась. – Да нет, откуда? Я, по крайней мере, не докладывала, а сам он, как и все мужики, вряд ли о чём-то догадается.

Катя рассердилась.

– «Вряд ли догадается»! – передразнила она. – Да как он может догадаться, он что, ясно-видящий? Ты сама-то догадалась, поди, когда уже две полоски на тесте увидела. Значит, говоришь, не докладывала... Ну и почему? Разве он не имеет право знать? Тем более, детей у него нет, так ведь? – раз женат не был. Он, наверняка, ребёночка хочет.

– Хочет, не хочет – а я свою норму выполнила... и докладывать ему ничего не обязана. И вообще, Катюша, я ему не подхожу, ну вот совсем не подхожу. Он молодой, успешный, девочки вокруг вьются, ты не представляешь, какой у них там в госпитале контингент – а я кто?

– Не прибедняйся! Ты и сама не старая, успешная и красавица! Послушай, а может, он думает, что ты уже не родишь ему, после сорока-то? Может, потому и отношения ваши нестабильные?

Глаза у Марины потемнели. Она зло усмехнулась.

– А мне всё равно – что он там себе думает! Если бы хотел жениться, хотел бы ребёнка – так бы прямо и сказал! А он... Тут другое... В общем, видела я его с одной медсестричкой. Очень целеустремлённая девица, надо сказать!

– Как видела? Где?

– Да какая разница, как и где? Видела и видела, и хватит об этом! Проехали, забыли!

Она энергично тряхнула головой, сглотнула слёзы.

– Я просто невезучая, Кать. Нет мне счастья, да, видно, уж и не будет. А тут ещё Машка огрызается: с подружкой поссорилась, а я виновата. Ни в грош мать не ставит! Ты, говорит, неудачница – ни на работе не реализовалась, ни мужика нормального найти не можешь! Представляешь?!

– С трудом, – призналась Катерина. – В тринадцать лет такое матери сказать, чего это она... А что там с работой у тебя, почему не реализовалась? Ты всё там же, в поликлинике?

– Ну да. Бухгалтером. Я как из декрета тогда после Машки вышла, курсы окончила, Петя меня к себе в поликлинику и устроил, в бухгалтерию. Он-то потом ушёл, а я осталась. Вот и работаю. Хожу и хожу... Если честно, живу на автомате, как заведённая. И конца-краю этому не видно.

Она вымученно улыбнулась.

– Ясненько, – задумалась Катерина. – И работа нас не греет. Так может, ну её, эту работу?

– Как это? В каком смысле?

– В прямом: поменяй! Найди интересную!

В глазах Марины мелькнул испуг:

– Да ты что?! Нет, даже не думай! Меня тут всё устраивает, концы с концами хотя бы свожу. Нормальная работа, коллектив хороший, куда я уйду? В школу, что ли, преподавать? Ну какая из меня учительница?

– Почему сразу в школу? Ты же учёный почти! Без пяти минут кандидат наук! Физик!

– Вот-вот, ключевые слова: «почти» и «без пяти минут»! Не физик я, Кать, причём давно уже! Ушёл мой поезд, и всё, точка: поздно об этом.

А ведь когда-то она была твёрдо убеждена, что совершит прорыв в науке! Как же она грезила физикой! Как старалась разобрать и понять для себя самые трудные темы, в которых, похоже, и учительница не до конца разбиралась! С какой радостью вчитывалась в Ландсберга – его трёхтомник ей удалось раздобыть ещё в восьмом классе, и на долгие годы он стал её лучшим другом! Учёба в институте на трудной даже для мальчиков специальности «физическая электроника» стала для неё откровением, одна из немногих в группе она успевала на «отлично». Даже ранний студенческий брак и рождение Аси в конце второго курса не сбили её с пути. И вот как всё повернулось...

Марина пристально смотрела на подругу.

– Знаешь, Кать, я вот иногда оглядываюсь назад, вспоминаю свою жизнь, всё думаю, думаю... Если бы я Стаса тогда не встретила, может, до сих пор наукой бы занималась...

– Ну, а Стас-то тут при чём? Ты же сама говорила: институт ваш научный закрылся, развалилось всё. В девяностые, положим, не очень-то до науки было.

– Так то в девяностые! Я же раньше начинала, к тому времени могла и защититься уже, да и много чего. Потом-то, конечно, и институт закрылся, и развалилось всё... да не всё! Те, с кем я работала – кто на Запад не уехал – и сейчас в науке, некоторые уже докторские защитили. И я могла, наверное. Вот если бы...

– Ну что же ты заладила – «если бы, да кабы!» Ну не бывает в жизни сослагательного наклонения, пойми ты наконец! Живи с тем что есть, забудь ты про эти свои «что, если бы?»

– И всё -таки... Если бы Стас был жив...

Тема Стаса была опасной, но Марина сама начала, и Катя не удержалась:

– Знаешь, что? Если бы Стас был жив, так и жил бы сейчас со своей Ларисой, а ты была бы ни при чём. Ничего хорошего он тебе не принёс, твой Стас!

Катюша, как всегда, была права. С появлением Стаса вся её жизнь пошла наперекосяк...

Глава 2. Стас

Марина лишь последние несколько лет могла спокойно вспоминать о нём, и, хотя боль утраты всё ещё саднила, была уже не такой острой, как в прежние годы. Порой ей очень хотелось о нём поговорить, но было просто не с кем – ведь не с дочками же обсуждать свою несостоявшуюся любовь!

Они познакомились, когда Марина училась на последнем курсе. Стас, молодой учёный, руководил дипломной практикой, и тема её диплома была созвучна содержанию его диссертации. Едва познакомившись, они сразу были оглушены друг другом и внезапно ворвавшимся в их жизни ощущением острого счастья, – доселе неведомого, – но не сразу это поняли, а когда поняли, долго этому чувству сопротивлялись: ведь у каждого имелись уже собственные семьи, дети. Высокий, русоволосый, он выделялся ей особенным во всём, словно был посланцем иных миров: его обаяние, ум, талант казались невероятными, поражали воображение. Нельзя сказать, чтобы он был особенно красив, но в применении к нему категория красоты не работала, тут было что-то другое. У него были пронзительно-синие глаза – такие яркие бывают лишь у маленьких детей, с возрастом они блёкнут, а вот у него не поблёкли! Под его синим взглядом Марине всё удавалось, и всё складывалось, а поиск оптимальных методов анализа поверхностей казался увлекательной шарадой, которую они вместе разгадывали. На волне этого душевного взлёта она блестяще защитила диплом и её ожидаемо распределили в тот же НИИ и лабораторию, где работал он, под его крыло. Он стал соавтором её статей для научного журнала, помогал с кандидатской, учил тонкостям научного писательства.

«Ты пишешь слишком просто и понятно, – наставлял он её, – это неправильно. Так всем всё будет ясно и покажется простым, и в чём тогда сложность научной задачи, в чём твоя заслуга? В общем, это всё надо переписать, добавить терминов посложнее – обнаучить». Она счастливо смеялась и «обнаучивала», загромождая работы сложными терминами и замысловатыми формулировками – чем заумнее, тем веселее выглядел её труд! Это было похоже на игру в науку, и она, не задумываясь, приняла эти правила.

Поначалу счастье видеть его каждый день озаряло радостью всю её жизнь, переносилось и на близких – на мужа, дочку, на родителей. Она словно не по земле ходила, а парила над нею. Но спустя время начала томиться. Она и не заметила, как и когда желание видеть его затмило и перевесило всю остальную жизнь, будто и не было у неё семьи, работы, увлечений. Всё, кроме него, стало неинтересным, а со временем даже диссертация, за которую она поначалу так азартно взялась, отошла на тридцать второй план...

В это время и произошло их окончательное сближение. Это было похоже на любовное столкновение, когда жертвы неизбежны. Но подумать об этом трезво она уже не могла. Всё её существование в мире свелось тогда к единственной позиции: Стас. От того, увидит ли она его сегодня, зависело теперь всё её настроение; дни, когда они видятся не могли, представлялись ей прожитыми напрасно. Она стала зависимой от него, и это было сродни одержимости. Нечто подобное, по-видимому, происходило и с ним.

Однажды, под каким-то ничтожным предлогом – забрать документы – он пригласил её в свой дом. Почему-то ни он, ни она не посчитали это неприличным, полагая, что домашние всё равно ни о чём не догадаются! По причине воскресенья вся семья была в сборе: его мама, жена и двое мальчишек-дошкольников. Жену звали Лариса; учительница английского, она ради детей работала воспитательницей в детском саду. Это была очень милая, весёлая и добродушная женщина, в меру симпатичная. Марина ревниво подумала, что она очень подходит Стасу.

Пока тот искал документы, она сидела на краешке дивана, наблюдая, словно со стороны, их семейную жизнь. Шестилетний Алёшка и четырёхлетний Женька ураганом носились по

всей квартире, их бабушка недовольно, будто с подозрением, косилась на гостью, а Лариса, как ни в чём не бывало, готовила обед и сновала из комнаты в кухню, иногда, словно бы между делом, разруливая мальчишечьи ссоры и шалости.

Стас нашёл наконец бумаги и присел рядом с Мариной, показывая что-то. В этот момент она, никогда в жизни не сочинявшая стихов, вдруг придумала странное короткое стихотворение, которое, не записывая, запомнила на всю жизнь. Называлось оно «Я люблю тебя».

*Я люблю тебя,
Сидя рядом с тобой на диване.
А через раскрытую дверь кухни
Я вижу твою жену.
Она бросает на мою любовь рассеянные взгляды
В перерывах между твоим сыном
И твоим супом.*

Именно тогда, в его доме, она вдруг остро ощутила, что физика её больше не интересует. Какое отношение вся наука мира имеет к этим синеглазым вихрастым мальчишкам, их счастливице-маме и единственному в целом свете Стасу? Что изменится в мире от её научных изысканий, станут ли Женька с Алёшкой или её Аська счастливее из-за этого?

У неё не было ответов.

Шло время, Марину постепенно переставала радовать не только работа, но и сама жизнь. В ней словно притушилась какая-то очень важная искорка, дающая ощущение счастья. В душе поселилась тоска. «*Я страшно скучаю, я просто без сил, и мысли приходят, маня, беспокоя, чтоб кто-то куда-то меня пригласил, и там я увидела б что-то такое...*» – песенка Высоцкого из музыкальной сказки стала тогда её девизом.

Она больше не парила над землёй. По инерции занималась домашними делами, ходила на работу, но диссертацию забросила. Дело, казавшееся таким важным ещё недавно, теперь потеряло для неё всякий смысл и привлекательность. «Зачем всё это? – думала она. – Что ещё мы хотим в этом мире разъять на части? До какого доньшка будем докапывать и расковыривать материю?»

Она пыталась своими вопросами коллег, но те предпочитали выполнять поставленную перед сектором задачу, не отвлекаясь на бессмысленную философию и лирику, как они это называли.

И весь её мир всё больше концентрировался вокруг единственной точки – Стаса. Лишь рядом с ним она вновь ощущала себя живой, и это было невыносимо, потому что отношения их становились всё более болезненными и напряжёнными. Их тайная любовь давно должна была перерасти рамки банального служебного романа, но этого не происходило. Он не был готов ради неё заново, с чистого листа, выстраивать свою жизнь, не был готов разрушить свой дом, налаженный быт и мир своих близких и всё уговаривал потерпеть и подождать чего-то.

«Чего ждать? – возмущалась Марина. – Старости?»

Стас на полном серьёзе объяснял, что когда вырастут их дети, они ещё будут вполне молодыми, и вот тогда... Она не верила ни в какое «тогда», сердилась, плакала. А он стоял на своём.

«Тебе, Матроскин, проще, – терпеливо и методично повторял он, словно объяснял студентам сложную тему. – Ты женщина и можешь просто уйти от мужа, ребёнок всё равно останется при тебе. А мужчина уходит не только от жены, он уходит и от детей тоже, бросает всю семью». Разговор этот повторялся на разные лады, ходил по кругу и становился всё более бессмысленным. Марина понимала: его просто устраивает положение дел – дома благополучная семья, а на работе любимая женщина, которая всегда под рукой, очень удобно. Она страдала, рушилась её картина мира. Ведь ещё со времён школьных уроков литературы она твёрдо усвоила, что любовь превыше всего, и была уверена: если два человека любят друг друга, они

должны быть вместе, преодолевая все препятствия; а то, что этим «препятствием» может стать живой человек и даже ребёнок, её не смущало. Она верила: ребёнку всегда всё можно объяснить и каким-то образом компенсировать потерю. Много позже, когда её собственная дочка с уходом отца потеряла почву под ногами, Марина поняла, что всё не так уж просто, что родительские поиски счастья могут стать настоящей катастрофой для маленького человека, для всей его дальнейшей судьбы. Но тогда считала позицию Стаса нечестной, а его слова пустыми отговорками.

Почему-то она совсем не волновалась за некогда любимого мужа Петю, не думала о том, как он воспримет их возможный разрыв. У неё хватило тогда ума не раскрыться ему, хотя это было нелегко. Несколько раз порывалась рассказать обо всём, но в последний момент что-то её удерживало. Однажды ей приснилось, что Петя узнал об измене жены и они разводятся. Она проснулась в панике, с колотящимся сердцем, – и вдруг поняла, что это сон, и какое счастье, что только сон. Оказывается, и она была не готова запросто разрушить свою семью.

Но ведь они уже разрушены, наши семьи, – разве не так? – в который раз спрашивала она саму себя и в который раз не находила ответа. Боязливо сторонясь «Анны Карениной», вновь и вновь перечитывала «Даму с собачкой», словно надеясь получить готовое решение там, где его быть не могло, и действительно, в очередной раз не получала!

Её жизнь зашла в тупик.

Она стала нервной, несобранной, срывалась из-за пустяков на мужа, на дочку, понимая, что так нельзя, но как можно, она не знала. Выхода не было. Пётр мудро делал вид, что ничего не происходит, но Марина так до конца и не разобралась, мудрость ли это? Притворяется ли он, что ничего не замечает, или ему просто всё равно?

И именно тогда, в самый тяжёлый момент жизни, она узнала, что беременна, и что отец ребёнка, скорее всего, Стас, поскольку отношения с мужем к тому времени практически сошли на нет. Катька, единственная подруга, которой она доверилась, посоветовала родить. «Ты ведь любишь Стаса?» – зачем-то спросила она (как будто и без того было не ясно!) и, получив утвердительный ответ, удовлетворённо произнесла:

– Ну вот, а общий ребёнок вас навсегда соединит.

Марине это показалось банальным до пошлости, она даже спорить не стала. Стас же, когда она сообщила ему свою новость, нахмурился и сказал, что ничего в женских делах не понимает и пускай она сама их решит, она же наверняка знает, как.

Она знала. И всё решила наверняка, – а как иначе?

А банальная – до пошлости! – Катина фраза застряла в её голове и всё крутилась там, да вот только слова её перепутались, а иные – про ребёнка, – и вовсе потерялись, и она на разные лады повторяла про себя бессмыслицу: «нас общий навсегда соединит»... «нас навсегда он не соединит»... «уже ничто нас не соединит»... «нас навсегда ничто соединит»...

Они продолжали каждый день видеться на работе, но вокруг неё словно образовалась скорлупа, оболочка, сквозь которую не проникали ни свет, ни тепло, зато она защищала от боли. Самой себе она казалась замороженной треской, выставленной в витрине-морозильнике, без головы, в ледяной корке. Отношения со Стасом портились; его всё больше стали раздражать её «фокусы», как он это называл, а однажды в его жизни появилась Юля – совсем юная, тоненькая студентка-дипломница, страшно в него влюблённая; она бегала за ним, как хвостик, а он по непонятной причине не считал нужным скрывать её от общественности.

Марина тогда поссорилась с мамой, растеряла всех подруг, – просто потому, что у неё не оставалось для них душевных сил; по той же причине сошло на нет общение с Катей, и только Пётр, как ни странно, оказался вдруг неожиданно близко, и рядом с ним скорлупа её порой лопалась и спадала с неё, словно лягушачья кожа, – вот тогда она на время просыпалась от своей спячки.

А потом Стас погиб. Его сбил пьяный водитель прямо на пешеходном переходе.

Через два года родилась Маша, их с Петей младшая дочь. Спустя ещё несколько лет Пётр ушёл из семьи.

Глава 3. Матрёшка

Марина допила остывший кофе.

– Ты, конечно же, права, Катюша: Стас никогда не бросил бы свою семью.

Катя внимательно смотрела на подругу.

– Жалеешь? Что встретила его, что всё так сложилось у вас?

Марина сосредоточенно вглядывалась в блестящий черпачок чайной ложечки, словно надеялась прочитав там правильный ответ. Покачала головой.

– Раньше не жалела. Думала – ради такой любви можно на многое пойти. А теперь жалею, Кать. Не стоит оно того...

Она давно сформулировала для себя эту мысль, но вслух произнесла впервые.

– Если бы не он, у меня была бы сейчас совершенно другая жизнь... Я жила бы как все. В хорошем смысле, Катя: как все! нормальные! люди! И, может быть, была бы даже счастлива. Во всяком случае, не ощущала бы так остро своего несчастья...

Марина помолчала.

– Но вот о физике не жалею. Совсем. Это по молодости мне всё казалось интересным, хотелось какие-то вершины покорять, амбиции реализовывать. А сейчас я вижу: пустое это всё, – игра в укротителей элементарных частиц, погоня за научными степенями. Не понимаю я больше того задора, с которым взрослые серьёзные люди пытаются распотрошить материю, разобрать всю вселенную на запчасти. Зачем? Что это даст людям? Разве сделает кого-то добрее, лучше, человечнее?

Катерина искренне возмутилась.

– Ну, мать, ты даёшь! А как же технический прогресс, научные достижения, национальная безопасность, в конце концов? Если бы все так рассуждали, мы бы уже в пещерный век вернулись!

– А никто так и не рассуждает, – успокоила её Марина. – Одна я.

Она вяло ковыряла ложечкой в блюде. Невкусное оказалось пирожное, вид один, а радости никакой! Из пластмассы их делают, что ли?

Подруга между тем увлечённо доедала свой десерт.

– Ты, Матрёшка, не горюй, – говорила она, тщательно подбирая с блюда остатки лакомства и облизывая ложку. – Жизнь – она как зебра: чёрная полоска, белая полоска. Сейчас у тебя просто фаза такая, чёрная. Но это не навсегда! На очереди уже белая полоска маячит, и даже не полоска, а целая полоса! Полосища!

Марина кивнула.

– Хотелось бы надеяться...

Неужели наступит это когда-нибудь в её жизни – белая полоса везенья и радости? С трудом верится, да ещё и на старости лет!.. Нет, вряд ли возможно такое. Надо уметь трезво смотреть правде в глаза: упустила она своё счастье, и, скорее всего, не видать ей его больше...

Но Катюшка молодец – умеет утешить. И почему они так надолго потеряли друг друга из виду? Марина только теперь осознала, что у неё практически нет подруг. Есть приятельницы, хорошие знакомые, но откровенно поговорить практически не с кем.

Как случилось, что вокруг неё образовался вакуум?

Катерина вдруг встрепенулась:

– Мотечка, у меня шикарная идея! Я всё придумала! Не хочешь менять работу – и не надо! Тебе надо перевести дух. Остановиться. Оглянуться. В общем, решение простое: декрет! Родишь мальчика, посидишь дома, отдохнёшь и будешь жить, как все нормальные люди! И перестанешь говорить о себе, что ты рыба и веник в углу! Ну как?

Глаза её блестели, ей показалась очень удачной эта идея.

Марина нервно засмеялась.

– Ты шутишь? Какой декрет в моём возрасте? Это говорить хорошо, а куда я с маленьким потом? Это ж не игрушка, а ребёнок! Что я ему дам? Мужа нет и не предвидится! Дочка на мне! Родители вообще в деревне!

Катя сочувственно смотрела на подругу.

– Моть, по-моему, ты себя накручиваешь. Я так понимаю, кризис у тебя, а тут перемена участи. Судьба. Может, воспользоваться надо? Я бы на твоём месте с удовольствием в декрет сходила...

– Ну, вот ты на своём и сходи!

– Мотя! Но я же серьёзно!

– И я серьёзно! Как я могу родить? На какие шиши? Кто нас содержать будет? «Перевести дух, остановиться, оглянуться» – отлично! Только чем я двоих детей кормить буду, ты не подумала, нет? Знаешь, я, может тоже хотела бы, как в той песенке: *«Когда б мы жили без затей, я нарожала бы детей от всех, кого любила, всех видов и мастей»*. Но мы, Катя, живём не в песне! И живём мы с затеями, да ещё с какими! И я не хочу всех мастей, не хочу «от всех, кого любила»! Не хочу, чтобы на меня показывали пальцем, чтобы соседи за моей спиной перешёптывались! Дети должны рождаться в семье, у них должны быть мама и папа! И мама должна быть не старуха, как я, а молодая женщина, неужели это не ясно?

Катя возмущённо замахала руками:

– Не сочиняй, пожалуйста, никакая ты не старуха. Старухи не рожают по определению, а если уж тебе, дурёхе великовозрастной, выпал шанс, так воспользуйся! И плевать на соседей!

Марина помолчала, улыбнулась вымученно.

– Хорошая ты девочка, Катя. И ты отлично всё придумала. Тебе нужно быть писателем – у тебя получатся замечательные детские сказки.

Она встала.

– Пойдём, Катюш. У меня Машка там одна, а мне ещё в больницу собираться.

Почти стемнело, горели жёлтые фонари, и их свет делал улицу нарядной и уютной. Слегка приморозило, сыпал лёгкий снежок, и прогуляться с подругой по вечернему городу было одно удовольствие, тем более, что Катин «Рено» был припаркован в нескольких кварталах от «Смолодинок». Марина вдохнула полной грудью и... на неё вдруг накатила необъяснимый страх, защемило сердце. Она в панике остановилась, схватила Катю за руку. Та с тревогой обернулась:

– Ты чего, Моть? Плохо тебе?

– Я боюсь, Катюшка. Вдруг со мной случится что?

– Ну, приехали! Что за настроение? Что с тобой должно случиться-то? У нас сейчас медицина на уровне, всё как надо сделают. Или ты передумала? Передумай, Моть, роди!

Марина замотала головой:

– Нет, что ты, исключено, я же сказала! Просто... Страшно мне, Катюш. У меня ведь Машка маленькая совсем. Если что – кому она нужна?

У Катерины едва не сорвалось с языка, что Маша не такая уж и маленькая, что у неё есть и отец, и бабушка с дедушкой, и старшая сестра, – но всё же хватило ума промолчать. Она обняла подругу за плечи.

– Всё будет хорошо, Матрёна! Раз приняла решение – не трусь! Ну, а если страшно – сходи в церковь, свечку поставь! Хочешь, вместе зайдём?

Они как раз подходили к небольшой церкви. Заканчивалась вечерняя служба, из калитки потянулись на тротуар прихожане.

Марина опять замотала головой:

– Мне нельзя туда! Я же завтра...

Она не решилась возле храма произнести это страшное – и показавшееся вдруг таким грубым – слово «аборт».

Катя подумала и возразила:

– Это послезавтра будет нельзя! А сейчас пока ещё можно!

– Нет, не пойду. Какую свечку я должна поставить – за здоровье или за упокой? Себе за здоровье, ребёнку – за упокой? Чтобы завтра всё без осложнений прошло и не больно? Нет, Катя, нельзя!

– Ну ты, мать, даёшь! Это ж надо так сказать: за упокой!

Марина всхлипнула. Она разволновалась, раскраснелась, готова была вновь разрыдаться. Но – взяла в себя в руки, собралась, удержала душевное равновесие.

Они уже миновали церковную ограду, когда из калитки выбежала женщина в платке и, оглядевшись по сторонам, торопливо направилась им вслед.

– Подожди, милая! – позвала она Марину, схватив её сзади за рукав.

Марина опешила.

– Вы мне?

Женщина была не старая, в длинном одеянии, поверх которого на плечи было накинуто что-то стародавнее, не то салоп, не то тальма – Марина всегда путалась в названиях этих старинных нарядов; из-под платка выбивались лёгкие светлые пряди.

– Тебе, тебе, милая! Вот, держи! Это к именинам тебе!

Она что-то протягивала Марине.

– Вы меня, наверное, путаете с кем-то? Какие именины?

– Завтра, завтра твои именины, рождение Матрёшино!

Марина хотела было возразить, что её день рождения был на прошлой неделе, но незнакомка уже совала ей что-то в руку.

– А это тебе подарок от неё, от Матрёши Беляковой, на счастье. Говорю же, рождение её завтра, стало быть, именины твои.

В ладони Марины очутилась небольшая деревянная кукла – матрёшка.

– Только сразу не открывай – дома откроешь! Спрячь в сумку-то! И не бойся ничего!

От изумления Марина потеряла дар речи. Она послушно засунула «подарок» в сумку, тщательно застегнула молнию. Голос женщины, её повадки, да и весь облик, показались смутно знакомыми, родными даже, мало того, на миг почудилось, что перед ней живая и странно помолодевшая баба Оля – её любимая Баболечка! В неверном свете уличного фонаря Марина попыталась разглядеть лицо незнакомки, но его укрывала тень, к тому же, женщина низко наклонила голову, наблюдая за руками Марины, когда та закрывала сумку. Так и не дав себя толком разглядеть, она развернулась и прытко побежала прочь, в темноту ближайшего двора.

– Подождите! Стойте! Мы знакомы? Вы кто? – крикнула ей вдогонку Марина. Незнакомка, полуобернувшись, лишь махнула рукой, на бегу бросив:

– Матрёна Андреевна я!

Спустя мгновение из темноты вновь донеслось:

– Не бойся! Не бойся ничего!

И её будто след простыл! Подруги провожали беглянку растерянным взглядом.

– И что это было? – ошеломлённо произнесла Катя. – Ты хоть что-нибудь поняла, Мать?

Марина лишь покачала головой, не в силах произнести ни слова.

– А ведь это ты у нас – Матрёна Андреевна! – объявила подруга.

– Я, – призналась Марина. – И что? Что это объясняет? Кстати, так же звали бабушку моей Баболи...

– Твою пра...?

Марина кивнула:

– Прапрабабушку. Баболя много о ней рассказывала, да и мама моя маленькой застала её.

Катя задумалась.

– Кто такая Матрёша Белякова?

– Впервые слышу, – пожала плечами Марина.

– Хорошие дела! А какое у нас завтра число?

Марина не сразу сообразила, какое.

– Девятнадцатое, вроде бы.

– Так, девятнадцатое ... И у кого же завтра именины?

– У меня, наверное, – призналась Марина. – Ты же слышала!

– Ну и ну. – Катерина покачала головой. – С именинами, Матрёшка!

Глава 4. Верочка

Марина уже подходила к дому, когда в полутьме её чуть не сшибла с ног девушка, мчавшаяся сломя голову наперерез.

– Ой, извините! Ой, это вы, здрасте, тётъ Марин!

Марина остановилась от неожиданности.

– Верочка? Куда ж ты так летишь, не глядя?

– Дела, дела, тётъ Марин, опаздываю!

Верочка летела на очередное свидание. Она была третьекурсницей радиотехнического института, жила в соседнем доме; с её мамой, Зиной, Марина сидела когда-то за одной партой. Зинаида работала учительницей начальных классов, была доброй и отзывчивой женщиной, милой и обаятельной, но очень невезучей. Марина не то чтобы дружила с ней, скорее, была для неё чем-то вроде жилетки: терпеливо выслушивала Зинины жалобы на судьбу, искренне сочувствовала, как могла, утешала, чем могла, помогала, а порой давала дельные советы. Зина ценила это и к Марине тянулась.

Первый Зинин муж и Верочкин отец – курсант автомобильного училища Игорь Савельев – погиб в Афганистане, когда их дочке был всего месяц от роду. Со вторым мужем жизнь у Зины сразу не задалась: парень оказался пьющим и бьющим; в подпитии гонял и жену, и маленькую падчерицу как сидоровых коз; так что через несколько лет мучений Зина прогнала непутёвого супруга; дочке было тогда шесть лет. Правда, и после официального развода он долго ещё мотал нервы и Зине, и её матери, и Верочке: примерно раз в три-четыре месяца пытался проникнуть в квартиру и отстоять права на своё главенствующее положение в этой семье. Его не пускали, он буянил и ломился в дверь, соседи вызывали милицию. Так продолжалось несколько лет, а потом он вдруг исчез, будто сгинул; поговаривали, что попал в места не столь отдалённые. Мать с дочерью (бабушки к тому времени уже не было в живых) вздохнули тогда с облегчением. Верочка долго потом боялась, что мама приведёт в дом ещё одного «папу», однако Зинаида, обжёгшись на молоке, предпочитала дуть на воду и в семейные игры больше не играла. Дочке же внушала: «Верочка, смотри, не влюбляйся в первого встречного! Ты девочка интересная, не они тебя выбирать должны, а ты их! Сходи на десять свиданий, если надо, и на все двадцать – а выбери одного».

Со временем оказалось, что Вера выросла не просто «интересной», а настоящей красавицей, так что воспользоваться материнским советом ей труда не составило; мальчишки так и вились вокруг неё. Правда, говоря о свиданиях, мать по старинке имела в виду гуляния в парке за ручку и совместные посещения кинотеатров и теперь с нарастающей тревогой наблюдала за тем, как её продвинутая дочка, воспринявшая эти слова на современный манер, выполняла мамины наставления в самом что ни на есть полном объёме. В результате к своим двадцати годам Верочка Савельева оказалась девушкой многоопытной и неплохо поднаторевшей во всех аспектах любви. «Выбирая», она позволяла себе многое – и не потому, что так уж жаждала взрослых отношений, а потому что понимала: именно так она может намертво привязать к себе очередного воздыхателя. А Верочка их коллекционировала!

Она давно и прочно убедилась в том неизгладимом впечатлении, которое производит на юных сверстников, и беззастенчиво пользовалась этим. Ей доставляло удовольствие наблюдать за тем, как мальчишки, теряя голову, становились зависимыми от неё безвольными существами, как порой сталкивались – то в словесных, а порой и в кулачных поединках (это было особенно приятно, поскольку в очередной раз подтверждало в её глазах собственную значимость). У неё не было подруг, ещё со школьных лет девочки сторонились её. Ну и плевать! Зато с каждой новой победой на любовном фронте самооценка её возрастала, а жизнь казалась интересной и наполненной смыслом.

Мать Веры была в панике. Она чувствовала свою вину за легкомысленно данный когда-то совет – но было поздно. В своей погоне за счастьем дочь слишком далеко зашла и возвращаться к человеческим отношениям не собиралась, а если бы и собралась, вряд ли это уже было возможно.

В последнее время беспокойство Зинаиды усилилось: дочка влюбилась. До сих пор она лишь позволяла другим любить себя, а тут такая напасть: роковое чувство! Влюблённость Верочки, как, впрочем, всё вообще, что с ней происходило, была чрезмерной, просто-таки была через край. Иными словами, Верочка потеряла голову.

Егор учился двумя курсами старше, был невысок, коренаст и на первый взгляд ничем не примечателен, но впечатление это было обманчивым! Как-то в начале первого курса Верочка после лекций садилась в маршрутку и вдруг почувствовала на своей талии мужские руки: незнакомый молодой человек помогал ей подняться в салон. Это была неслыханная дерзость! Вера возмущённо оглянулась, собираясь дать нахалу гневную отповедь, но натолкнулась на чуть насмешливый взгляд его серо-зелёных глаз и... тушевалась, едва ли не впервые в жизни! Они проехали пару остановок, сидя напротив друг друга и не проронив ни единого слова. Он прожигал её взглядом, она краснела, но не решилась даже взглянуть в его сторону! Впоследствии, сталкиваясь с Егором в шумных институтских коридорах, Верочка, хорошо владевшая собой, уже не тушевалась, глаз не отводила и даже научилась высокомерно кивать в ответ на его небрежное «привет».

А полтора месяца назад этот не самый красивый и не самый успешный старшекурсник вдруг ни с того ни с сего запросто подошёл к ней на перемене и задал неожиданный вопрос:

– Вы не могли бы мне помочь?

Застигнутая врасплох, Вера остановилась в замешательстве. А он бесцеремонно, как танк, начал наступать на неё, так что ей поневоле пришлось пятиться. Он же подошёл так близко, что Вера ощутила на щеке его горячее дыхание. В другой ситуации она непременно закатила бы наглецу оплеуху, но не сейчас! Сейчас её вновь обожгли его прищуренные, чуть насмешливые глаза. Они были так близко, что она, почти не различая их цвета, сумела разглядеть озорные жёлтые искорки на радужке и пушистые светлые ресницы. Она охнула и «поплыла»; сердце её провалилось куда-то в район коленей. А он приблизил свои губы прямо к её уху, по-хозяйски нежно откинул горячими пальцами прядь с её виска и доверительно произнёс что-то о том, что у него пропадают билеты в театр, на Вампилова, и что кроме неё ему никто не сможет помочь.

Она знать не знала никакого Вампилова – решила, что это звезда местного театра – но поняла, что без этого самого Вампилова ей теперь никак нельзя.

Сцена происходила на глазах у всего потока. Предыдущий Верочкин фаворит-однокурсник опомниться не успел, как получил отставку, перейдя, как и многие до него, в статус бывших. В отношениях же с Егором Вера неожиданно сменила привычную для себя роль хищницы на роль жертвы, чувствуя, как она, первая красавица факультета, становится зависимой от невзрачного пятикурсника. Это и влекло, и пугало её одновременно.

Влюблённость в Егора не приносила желанной радости. Он был сердцеедом, не отказывал себе в маленьких удовольствиях на стороне, однако от Верочки требовал безусловной верности и безоговорочного подчинения. Но не на такую напал! Спустя некоторое время оказалось, что отставка предыдущего поклонника была мерой временной. Не желая полностью погрязнуть в опасной для её свободы зависимости от Егора, Верочка воспользовалась привычным для неё методом почувствовать себя хозяйкой положения, вновь подпустив и приблизив к себе прежнего воздыхателя. И, хотя пошла она на этот шаг исключительно ради восстановления своей стремительно падающей самооценки, довольно скоро поняла, что игра на два поля ей даже нравится. С одним из парней она чувствовала себя влюблённой дурочкой – и в этом новом для неё ощущении находила неожиданную прелесть; в другом ей импонировали преданность

и готовность терпеть все её выходки, вплоть до откровенных измен. Она тщательно скрывала свою неверность от Егора и чуть ли не бравировала ею перед влюблённым однокурсником, однако и его отпустить от себя не желала, такого трепетного, всепрощающего, готового потерять рассудок от одного её вида. А тот, прекрасно понимая, что перешёл на вторые роли и отчаянно мучаясь, всё же мирился со своим незавидным положением, боясь лишиться и тех жалких крох, что кидала ему от своих щедрот Верочка, которая помыкала им и играла, словно кошка с мышкой. Всё это волновало и будоражило её; она готова была тянуть опасные двойные отношения до бесконечности: до тех ли пор, пока на её любовном фронте не появится новый персонаж, который сумеет привлечь её внимание, или же до критической черты, за которой может произойти что-то из ряда вон. Мысли о том, что будет, если Егор узнает о её неверности, Вера гнала подальше, предпочитая по методу Скарлетт О'Хары «подумать об этом завтра».

Мать Веры, чувствуя, что ситуация выходит из-под контроля и грозит обернуться серьёзным конфликтом, если не сказать катастрофой, пыталась остановить непутёвую дочь. Однако, как ни урезонивала она своё чадо, как ни уговаривала остепениться – всё было напрасно. На все увещания Вера с удивительным хладнокровием заявляла, что ей нравятся сразу оба и она ничего не может с этим поделать! «Да, – не без кокетливого самолюбования признавала дочь, – я, наверное, испорченная и жестокая, но такой уж я уродилась!»

Казалось, внутри неё включилась разрушительная программа, которую было уже не остановить.

Мать не находила себе места, корила за то, что не сумела правильно воспитать дочку, зывала к совести, однако все её попытки оставались тщетными.

«Ой, Мариночка, боюсь, добром это не кончится, – сетовала Зина, изливая соседке душу. – Ведь так и до беды недалеко».

Марина не знала, чем тут можно помочь, да и никто не знал.

Между тем, за Верочкиными «достижениями» поневоле наблюдал весь двор. Соседи порицали её беспутство и жалели мать. Марина же старалась девчонку не осуждать и была лишь рада тому, что её семье – по причине отсутствия в ней мужчин – Верочкины чары не грозят, а дочерям в подружки она не годилась хотя бы по возрасту.

Поднимаясь по лестнице, Марина размышляла о невесёлой судьбе своей одноклассницы, так и не познавшей женского счастья, вечно одинокой и уставшей от забот, которой даже материнство не приносило радости. Сочувствуя Зине и горяя вместе с ней, Марина забывала на время о своих бедах, и тогда собственная боль ненадолго отступала.

Глава 5. Пётр

Дверь открыла Маша. На девочке был её любимый домашний костюм с котиком на футболке и пушистые тапочки с ушками. Едва взглянув на мать и бросив небрежное «привет», она умчалась на кухню. Марина сразу же почувствовала, что дочь не одна: у неё всегда было возбуждённо-приподнятое настроение и подчёркнутая отстранённость от матери, когда приходил отец. К тому же, в прихожей стояли громадные ботинки – Петькины, конечно, больше никто из её знакомых сорок пятого размера не носил.

Пётр вышел в прихожую, помог раздеться.

– Где гуляем так поздно? – подозрительно процедил он. – Ребёнок тут один мается.

И тут же без всякого перехода миролюбиво поинтересовался:

– Ужинать будешь?

Это была его обычная манера в последнее время. Он вёл себя в её доме нарочито похотливо, словно желая дать ей понять, что он тут не чужой, что она всё ещё его женщина, при этом осознание зыбкости и иллюзорности такого положения делало его поведение противоречивым: грубоватый тон соседствовал с предупредительностью и даже услужливостью. Марина давно научилась отстранённо реагировать на эти перемены в бывшем муже, игнорируя его новые причуды.

– Буду! – безмятежно согласилась она. – А что на ужин?

На ужин были купленные Петей пельмени – самое любимое его блюдо. Он понимал в них толк и покупал всегда самые лучшие, похожие на домашние. Пока Марина мыла руки, бывший муж достал из шкафа приборы, положил ей порцию, добавил сметаны, заботливо подвинул стул.

– Иди скорее, садись, пока не остыло. Мы с Машей только что поужинали. А ты, малыш, ступай в детскую, решай задачу, нам с мамой поговорить надо.

Дочь возмущённо передёрнула плечами.

– Да пожалуйста! Больно надо!

Скорчив недовольную мину, Маша удалилась. Проводив её взглядом, Пётр с решительным видом повернулся к Марине.

– Ну, рассказывай, мать, что и как. Где была? С кем? Почему так поздно возвращаешься? Марина усмехнулась. Её давно уже перестали трогать эти его наезды.

– В кафе была, Петь, можно сказать, на свидании. Хлеб передай, пожалуйста. Вот никак не могу отучиться есть пельмени с хлебом! Катю Астахову встретила, в «Кастрюле» с ней посидели.

Он удивлённо присвистнул.

– Да ты что? С Катюхой? Сто лет её не видел! И как она?

– Цветёт, как всегда. Сын Вася у неё женился, она бабушкой стала – вся в счастье! Похудела, похорошела, – такая красивая бабушка получилась. В общем, всё отлично у неё. Тебе привет передаёт.

Напряжение спало. Петя довольно кивнул и принялся рассуждать о том, что старых друзей забывать нельзя, ведь на кого ж ещё и опереться в жизни, как не на них. Марина не спорила, просто ела и смотрела на бывшего мужа. Теперь она видела его редко, как бы со стороны, и перемены в его облике стали для неё заметнее. Пётр Трофимов смолodu был высоким, богатырского сложения, с широкой костью, а теперь, в свои сорок четыре, раздобрел, его крупно вылепленные черты лица начали оплывать, теряя чёткость. Тем не менее, выглядел он довольно импозантно, а сохранившие блеск серые глаза под густыми бровями придавали лицу молодецкий вид. Вот пусть его вид теперь Ленку беспокоит, злорадно подумала Марина, а мне уже всё равно, какие там у него молоденькие врачи-медсёстры рядом!

– А ты, Петь, зачем пришёл-то? Денежку принёс? – перебила она его заезженный монолог, вспомнив, что деньги ей очень даже понадобятся в ближайшее время.

Он моментально ошетинился, полез за бумажником, обиженно произнёс:

– Тебя только деньги интересуют? А просто дочь повидать я не могу уже? С ребёнком пообщаться?

– Ну, ну, – усмехнулась Марина. – Общайся.

Она убрала в карман протянутые Петром купюры и с удовольствием, – несмотря на съеденные в кафе пирожные, – продолжила ужин. Он подкладывал ей добавки, добавлял сметаны, – ему явно доставляло удовольствие кормить и ухаживать за ней.

За годы, проведённые в разводе, Марина, хотя и не сразу, сумела наконец выработать верную, как ей представлялось, линию поведения с бывшим мужем и теперь позволяла себе не особо церемониться, что порой нарушало с её стороны границы элементарной вежливости. Она полагала, что причинённая им обида даёт ей на это право. Он же, несмотря на внешнюю резкость, наоборот, старался ей угодить: никогда не приходил с пустыми руками, был подчёркнуто домовит, организовывал ужин, прибирал со стола и даже мыл посуду. Ей это нравилось, и она самым бессовестным образом этим пользовалась.

Пётр разлил по чашкам чай, достал печенье.

– Попробуй, Мариш, очень вкусно.

Было действительно вкусно. Он сооружал для бывшей жены её любимые «бутерброды» из печенья с сыром; чай был в меру горячим и правильно заваренным – всё как она любила. Марина расслабилась. Ей почудилось на время, что перед ней прежний Петя, друг её юности и верный муж, что не было никакого развода и нескольких лет одиночества... но она быстро очнулась от наваждения и одёрнула себя: «Не раскисай!». Захотелось прервать эту обманчивую идиллию.

– Ты и за новой женой так же ухаживаешь, кормишь её, а, Петь? – подначила она.

Он сердито засопел, надулся, исподлобья бросил на неё обиженный взгляд. Так и не научился он за эти годы отстранённо воспринимать бывшую жену! Она и сама пришла к этому не сразу, не скоро удалось ей обрести душевное равновесие. Первое время после его ухода она отчаянно скучала по человеку, с которым было прожито без малого двадцать лет. Покидая дом, Пётр не удостоил её объяснениями, и ей мучительно хотелось увидеть его, спросить, как же и почему всё так у них вышло. Она полагала, что за годы, прошедшие после гибели Стаса, им вместе удалось заново выстроить их общий семейный мир, надёжный и незыблемый, наполненный с рождением младшей дочки новым смыслом, и что никакие бури уже не смогут поколебать его. Оказалось, что это всего лишь её иллюзии, которые однажды просто разбились вдребезги; она и оглянуться не успела, как стала матерью-одиночкой, а семьи – её надёжной пристани – и след простыл! Особенно горько было сознавать, что соперница старше её, это не укладывалось ни в какие рамки! Безусловно, вряд ли бы её порадовало, если бы разлучница была молода и красива, но, по крайней мере, это имело бы хоть какое-то объяснение: кризис среднего возраста, седина в бороду и прочие «уважительные» причины. Но то, что муж променял её на старую тётку, больно ударило по самолюбию. Это было обидно, несправедливо и сильно занижало самооценку.

Выходит, она совсем уж никчёмна?

Марина будто забыла о собственном давнем, растянувшемся почти на пять лет, предательстве и лишь смутно догадывалась, что нынешний поворот судьбы – тот самый бумеранг, который не мог не вернуться...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.